

Владимир КОЛАБУХИН

г. Ярославль

**М
а
й
я**

рассказ

Майя несколько раз прошлась перед зеркалом, любуясь покупкой.

Платье — что надо! Легкое, шелковое, голубое!.. Правда, немного коротковато. Ну да теперь многие такие же носят. Зато так ладно облегает фигуру. Девчата в деревне ахнут!..

И она выбегает из гостиницы на улицу. Солнце уже клонится к закату, но ещё светит тепло и мягко. На остановке тихо урчит автобус. Майя врывается в его раскрытую дверь, усаживается поближе к кабине водителя.

За стеклом мелькают деревья, убегают дома...

Майя закрывает глаза. Подружки, конечно, сразу прибегут к ней домой. Осторожно потрогают платье, покрутят её, попросят показать награду...

Она счастливо улыбается, открывает глаза.

Вот и пристань. Глухо шуршит, притормаживая, автобус.

Майя выпрыгивает на тротуар, проворно спускается по крутой лесенке. Прислоняется к перилам. Отдышаться. Осмотреться. Мимо снуют с чемоданами и узлами пассажиры. На грузовой площадке им бойко и разногласно расхваливают свой товар местные садоводы и огородники. Лёгкий ветерок наполнен густым запахом солений, яблок, свежескошенных трав и притихшей реки.

До отплытия теплохода ещё долго. Майя прячет в сумку билет и отходит от кассы. Оглядывается, где бы провести время...

— Ребята, пошли на «Поплавок», — слышит она за спиной озорной девичий голос. И вспоминает, что ещё ни разу не бывала в ресторане. Интересно, что там и как? Да и перекусить не мешало бы!..

А на «Поплавке» почти никого нет. У буфета скучают официантки. Зал лишь чуть-чуть освещён.

Майя садится за столик у окна, чтобы видеть, как причаливают пароходы, и слушать, как плещется вода.

Окна — иллюминаторы. Когда ударяет волна, вода струйками сбегает по стеклу, отливает радужными красками. Впечатление такое, будто плывёшь, плывёшь... Далеко-далеко... Через марево заката.

Майя прищуривается, осматривая зал. Встре-

чается взглядом с каким-то парнем с округлой чёрной бородкой и... ойкает.

А бородач уже спешит к ней. В большом настенном овальном зеркале отражается его широкоплечая стройная фигура.

— Вот это встреча! — Он крепко жмёт её ладони.

У Майи замирает сердце.

— Павлик?!

— Да, моя беляночка, да!.. Ты рада?

— Очень!.. Очень!

Голос Майи дрожит, зелёные глаза сияют. Нашёлся-таки! А ведь как в воду канул, уехав на учёбу в город. Ну, пусть всерьёз не принимал её влюбленности. Но ведь по соседству жили! Вместе в самодеятельности выступали, зачитывались книгами, рассуждали о жизни... Мог бы хоть раз и написать. Ведь ей так тяжело давалась разлука — места себе не находила. И вдруг эта встреча!

— Садись, Павлик, садись!

— А может, ко мне? В уголок, под пальму? Сядем рядком да поговорим ладком!

Она застенчиво оглядывается. Идти через весь зал. Под чужими взглядами?..

Павлик обнимает её за плечи и опять о чём-то спрашивает. Он всё такой же! Его мягкий голос, весёлые глаза и сильные руки словно околдовывают, вызывают радостные воспоминания. И она невольно поддаётся уговорам, смущённо семенит к его столику.

Павлик подзывает официантку. Заказывает вино, закуску, фрукты, мороженое. И Майя подмечает, что делает он это привычно и непринужденно.

Чтобы немного успокоиться, она снова осматривается. За соседним столиком какой-то упитанный тип не отрывает от неё своих масляных глаз. Майя досадливо отворачивается. На неё многие так заглядываются. Но что ей до их угодливости, напыщенных заверений. Её почему-то всегда влечёт лишь к одному человеку, к Павлику. Вот он сидит перед ней — ясноглазый, шустрый, любимый!

Майя переводит глаза на другой столик и замечает за ним девушку. Она, видимо, только-только появилась здесь и ещё ничего не успела заказать. На ней нарядное тёмно-вишнёвое платье, чёрные лакированные туфельки, на

тонкой смуглой руке золотистая браслетка с миниатюрными и такими же золотистыми часиками. Лицо у девушки тоже смуглое, глаза крупные, чёрные, ресницы длинные-длинные, густые каштановые волосы лёгкой волной улеглись по плечам... Красавица да и только! Девушка бесцеремонно и несколько насмешливо разглядывает её. И Майя ещё больше смущается. Она уже жалеет, что пересела, а её новое платье с оборочками кажется теперь чересчур простеньким и неудобным.

Майя ёжится, стараясь незаметно натянуть платьице на голые колени.

А Павлик всё шутит. Подливает в бокал шампанское. Сыплет забавными историями.

Вино согревает и кружит голову. И Майя в конце концов успокаивается. А когда вдруг ярко зажглись люстры, загремела музыка, ей всё вдруг представляется волшебным.

— Я хочу танцевать!..

Он скорее угадал, чем услышал. Ведет её в танце свободно, не сбиваясь с ритма, улыбается только ей одной, как когда-то на вечеринках. И Майе кажется, что счастливее её никого здесь и нет. Такой он внимательный и ласковый!

— Как ты сюда попал, Павлик?

— Очень просто, малышка. Надо же вечер скоротать!

— А институт?

— Ты все ещё о нем помнишь? А я и думать забыл!

— Не учишься? — тревожится Майя.

— Нет! Шоферю по старой памяти. Здесь шофера знаешь сколько заколачивают? Вот и гуляем!

Майя озабоченно хмурится.

— А тебя в колхозе ждут... — Она чуть отстраняется и окидывает его зорким взглядом. Отмечает, что одет он шикарно: отличный тёмно-синий костюм, модная пёстрая сорочка, яркий галстук... Настоящий франт!

— Ну-ну! Не дуйся! — смущённо просит Павлик. — А то возьму и... поцелую!

Майя знает, что свою милую угрозу он навряд ли приведёт в исполнение: если не очень изменился, на людях он всегда был стеснительным. Но сама фраза подсказывает о многом. И она счастливо улыбается.

– Жениться не собираешься?
 – Нет... Жениться на напасть, как бы женатому не пропасть! – шутливо отзывается Павлик.
 – Что так? Неужто и впрямь не завёл здесь зазнобы?

Майя спрашивает как будто безмятежно, а сама вновь замирает от томительного ожидания ответа.

Его густые черные брови вздрагивают, он пожимает плечами.

– Но ты-то кому-нибудь нравишься? – Майя не отступает, ей кажется невероятным, что для кого-то другого он не представляет интереса.

– Может, и нравлюсь! – хитровато смеется Павлик, и Майя тотчас краснеет.

– А ничего не пишешь!

В её голосе слышится упрёк, даже обида. Он смущённо бормочет:

– Да, понимаешь... Закрутился!.. Ты уж меня прости. – И смотрит на неё с такой нежностью, что у Майи просто сердце заходится.

– Ой, молчи, Павлик! Молчи!.. Мне так хорошо сейчас!..

Голова сама клонится к нему на плечо. Мягкие золотистые волосы касаются его лица и словно электризуют. Охваченный этим острым, томительным чувством, он вздрагивает и на миг прижимает девушку к груди.

– Как давно я тебя не видел! – взволнованно шепчет он. – Помнишь наш пруд? Кувшинки с лилиями? Мы ныряли за ними до самого дна. А мальчишки дразнили нас: «Тили-тили-тесто! Жених и невеста!»

Она поднимает на него сияющее лицо.

– А сейчас ты бороду отрастил. Зачем? Настоящий Карабасище! – шутит она, чтобы скрыть такую же радость от воспоминаний.

– Для солидности, малышка. Для солидности!

– Не называй меня так, – сердится Майя. – Ну что ты из себя выставляешь!..

Несколько секунд Павлик огорошенно молчит, затем на широком загорелом лице его появляется удивление.

– Ну а ты как здесь оказалась?

Майя снова краснеет, тихо делится своей радостью:

– Орден я получала, Павлуша. Теперь вот обратно, в колхоз, возвращаюсь.

От изумления он останавливается.

– Орден? За что?

Он спохватывается и снова кружит её по залу.

Майя вскидывает на него свои зелёные глаза.

– А тебе и вправду интересно – за что?

Он кивает и внимательно слушает сбивчивый рассказ о её рекорде на молочной ферме.

– Все-то у тебя получается! – с грустью вздыхает он и опять в порыве нежности прижимает девушку к груди.

– Не надо, Павлик. Не надо!

Майя оглядывается. Опять та красавица за столиком глаз с них не сводит.

– Ты её знаешь? Это твоя девушка, – вдруг догадывается Майя.

– Кто? – Павлик перехватывает ее взгляд и мрачнеет. – Да как сказать...

Настроение у Майи разом портится. Она останавливается, смотрит на часы.

Павлик тревожится.

– Что, уже пора?

– Да, осталось десять минут.

Задумчивые и молчаливые, они выходят на дебаркадер. Река уже потемнела. В чёрном как смоль небе сиротливо плавает тусклая луна...

– Жаль, что ты исчезаешь, – грустно говорит Павлик.

Майя останавливается, бросает на него внимательный взгляд, стараясь угадать, как он живёт.

– Тебе... хорошо здесь?

– Без тебя – плохо! – тоскливо отвечает он. – Вот и с институтом ничего не получилось... Знаешь, как трудно было! Потому и не писал...

Майя молча гладит его большие шершавые ладони. Пропахшие бензином, они так не вяжутся с его франтоватым костюмом.

– А эта девушка... Она тебя любит?

Он пожимает плечами. Потом торопливо восклицает:

– Да что мне до неё!.. Так уж получилось!..

Майя хмурится.

– М-да... И в спектаклях уже не играешь?

Он невесело усмехается, качает головой. Ему невольно вспоминается их неугомонная юность. Она кажется ему такой далекой, что вызывает гнетущую пустоту на душе.

– «Газон» мой... кому передали?

— Мишка-конюх выпросил.

Павлик недоверчиво смотрит на Майю.

— Ну да? Не по Сеньке шапка. Он и за лошадыми-то ходить не может. Угробит машину!

— Вот и я сказала председателю, что угробит, — поспешно отзывается Майя и тут же умолкает, увидев, как мрачнеет лицо парня.

— Страшно не хочется с тобой расставаться! — вздыхает он.

Майе и самой тяжко.

На тёмную воду свинцовой пеленой опускается туман. Гудок теплохода охрипший и долгий. Он вызывает у Майи озноб. Она вдруг отчётливо сознаёт, что, несмотря ни на что, по-прежнему любит этого неудачника-бородача. Любит ещё сильнее, чем прежде, с невыносимой тоской по нему. И вдруг неожиданно для обоих порывисто приникает к нему и целует его так, что у него захватывает дыхание. Совладав с собой, она осторожным, но настойчивым движением высвобождается из его объятий и жалобно шепчет:

— Я ненормальная, правда?

— Нет, ты хорошая, хорошая... — жарко дышит Павлик, отыскивая ее губы. — А может, останешься? Ну что тебе в деревне-то!.. И здесь можно устроиться. А председателю я сам отпишу...

Майя отступает. До боли кусает губы. Не таких слов ждала от него. Она понимает, что эта встреча очень важна для обоих. И, не шадя ни себя, ни его, резко бросает:

— Пора мне... Чего ж оставаться? От добра добра не ищут. Раскис ты здесь, Павлуша, от шампанского-то!..

Последний гудок, и Майя вбегает на палубу. Уплывают в темноту мерцающие как угольки огни дебаркадера. Недовольно о чем-то шепчутся волны. Водяные брызги холодом обжигают руки.

— Майя! — доносится до неё знакомый, полный отчаяния голос. — Майя!..

Она отирает ладонью слёзы и торопливо машет затухающим на берегу огонькам.

Гришуткин Сад

рассказ

Опираясь на суковатую палку, Петрович задумчиво брёл по аллее сада. Малиновое солнце уже давно зацепилось за верхушки деревьев, прохладный ветерок всё чаще вздувал и теребил на спине подвыгоревшую синюю рубашку, но Петрович не уходил в дом, подолгу останавливался у яблонь, слив, кустов крыжовника — кому он дал жизнь и теперь знал каждый их листок. Он доверял им сейчас свои мысли и чувства.

«Вот и вырастил сад. Одному уже с ним не справиться. Что же делать?.. И сосед одолел: продай да продай! Да ведь каков — сам себе на уме: хоть сгори целый свет, лишь бы он был согрет».

Петрович вздохнул, сел на скамейку. Протянул вверх руку. Три вишенки коснулись ладони. Сорвал одну, ещё тёплую от солнца, и залюбовался: такая крупная, упругая и чёрная, словно агат. Сразу вспомнилось всё, что связывало его, старого плотника, с садом.

...С каждым годом улицы центральной усадьбы совхоза тянулись всё дальше и дальше в степь. С каждым годом человек отвоёвывал у неё всё новые и новые метры, но степь характер свой не меняла. Весной неисчислимы маки подступали прямо к домам. Летом же исчезал многокрасочный цветочный ковёр, всё сгорало под палящими лучами солнца, и оставались лишь чернильные шары чертополоха. В это время налетали ураганные ветры, и тогда тучи песка и пыли закрывали белесое небо. Песок и пыль набивались людям в глаза, хрустели на зубах, проникали в каждую щёлочку дома и укладывались там повсюду серым изорванным слоем. Зимой бураны и выюги завывали почти непрерывно и замерзали молодые деревца, заботливо посаженные новосёлами. Лишь он и не отступился. Выходил по ночам к своим голым саженцам, кутал и согревал чем только мог, а летом отдавал им последнюю каплю воды... И чудо свершилось!

— Ишь, какие выдались, — зачарованно прошептал Петрович. Он с трудом оторвал взгляд от ягоды. — Да!.. Только что же теперь с садом делать?..

Неожиданно его внимание привлёк треск планки от изгороди. Он вытянул жилистую шею. Белобрысый мальчуган почти наполовину протиснулся в узкую щель, но, увидев его, рванул назад.

Петрович горько усмехнулся, тяжело поднялся со скамейки, хотел было залатать щель, да внезапно о чём-то задумался и забыл о ней.

А на другой день утром он, как обычно, без стука открыл дверь кабинета своего старого школьного товарища — директора совхоза.

— Занят?

Тот поднял голову. Улыбнулся душевно и радостно, как улыбаются только друзьям.

— Заходи, Петрович, заходи!

Плотный, представительный директор сам подошёл к нему, легонько обнял за плечи и усадил в кресло.

— Ну, рассказывай, с чем пожаловал.

Петрович ответил не сразу. Снял фуражку, поискал глазами, куда бы положить, затем привычно пристроил её на коленях, набил табак трубку, разжёг в ней огонь и только после этого неторопливо заговорил:

— Слышал я, что ты для новой школы место подыскиваешь?

Директор вскинул седые брови, в его тёмных глазах промелькнуло удивление.

— Ну и что?

— Нашёл?

— А ты почему об этом спрашиваешь?

— Потому что лучшего места, чем в моей усадьбе, тебе не найти.

— Ты... это... серьёзно? — поразился директор. — Какое я имею право?

— Я дарю свой сад детям — вот твоё право!

Директор размашисто зашагал по кабинету, соображая, что к чему. Уж кто-кто, а он знал, сколько труда этот человек в сад вложил! Бессонные ночи, в кровь стёртые от заступа ладони, морозы, засухи, насмешки маловеров. Не раз начинал всё сначала!

— Послушай! — остановился он перед ним. — А ты как?

Петрович молчал.

— Помню, — взволнованно продолжал директор, — однажды зашумел народ. Что такое, думаю. А это сад твой зацвёл. Сплошные белые кружева среди песка и пыли. И бегут, бегут отовсюду люди... Для всех был настоящий праздник... Ты же выпестовал свой сад, сроднился с ним! И вдруг...

Петрович не отвечал. Глаза его закрылись, трубка погасла, да он, видимо, и забыл о ней, о чём-то думал или тоже вспоминал.

— Ну, как знаешь! — Директор обескураженно уселся за стол. — Сколько же заплатить тебе?

Петрович очнулся, открыл глаза.

— Заплатить? — переспросил он. Морщинистое лицо его потемнело.

— Но ведь не даром?

— Детям отдаю, а не даром! — вспылал Петрович. — Мне вот один тоже предлагал, да душа у него с гнильцой, как у иного яблока. Эх ты!.. Это же Гришуткин сад. Пусть ребята и будут в нём хозяевами!

Петрович умолк, погрузился. Притих за столом и директор, понял, что невольно разбередил и без того незажившую его душевную рану. Ведь с чего всё и начиналось-то!..

Дети есть дети! Всё запретное им вдвое интереснее. И не вдруг им понять человека, денно и ночью охраняющего своё добро, не народное. Разве мог знать десятилетний сын Петровича, Гришутка, что за чужим высоким забором его встретит выстрел обреза? И выпали из ладошек два яблока-паданца, недоумевающе прошептали в последний раз окровавленные губёнки: «Мама!..»

Хозяина сада осудили. Но кто же мог вернуть преждевременно поседевшему Петровичу его ясноглазого Гришутку? Кто воскресил бы ему жену, зачахнувшую после гибели сына?..

Он места себе не находил. Не раз друзья угаривали: «Женись!» Знакомили с румяными разведёнками да ласковыми вдовушками. Только не мог он забыть своей Настюшки. Так бобылем и остался. И не переставая бредил сыном. Кликнет ли кто из детворы под окном, промелькнёт ли перед глазами чей-нибудь мальчуган — сердце так и забьётся!..

Немало лет прошло с тех пор. Немало дорог исколесил осиротевший Петрович, пока наконец понял, что и странствия не заглушат го-

речь страшной утраты. Тогда в последний раз отправился он в дорогу — вместе с молодёжью обживать вековую целину, да так на новом месте и остался. Здесь-то и вспомнил он прощальную просьбу жены — посадить в честь Гришутки хотя бы маленький садочек...

— Это же Гришуткин сад, — тихо повторил Петрович и ухватился за фуражку, собираясь подняться. Директор поспешил на помощь.

— Я сам! — Петрович сердито отстранил его. — Лучше присылай поскорей рабочих. — Сказал точно гвоздь забил.

— Завтра! Завтра же, дорогой ты мой старик! — заверил директор. — И прости, не хотел тебя обидеть.

— Да чего уж там, ладно! — отмахнулся Петрович и, оправив на себе рубаху, твёрдой походкой пошёл к двери.

□

Владимир Гаврилович КОЛАБУХИН —

поэт, прозаик, журналист.

Родился в 1937 г. в Коломне.

Окончил Всесоюзный юридический заочный институт.

Пишет для детей и взрослых.

Автор десятка книг, в их числе «Фальшивая коронка» (1982),

«Что тебе пожелать?» (1988), «Кто стрелял в «Бирюзе»? (1989),

«Плывут бумажные кораблики» (2006), «В краю березовом» (2008),

«Заходи, апрель!» (2012) и др.

Член Союза журналистов России,

а также Союза российских писателей.

Живет в Ярославле.

В журнале «Север» публикуется впервые.

